

КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Ги де
МОПАСАН

Жизнь

Ги д. Мопассан

Провинция Алжир

Мопассан Г. д.

Провинция Алжир / Г. д. Мопассан — «ЛитПаб»,

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ги де Мопассан Провинция Алжир

* * *

Французы, постоянно живущие в Алжире, знают из всей этой страны только равнину Митиджи. Они безмятежно живут в одном из самых очаровательных городов мира, заявляя, что арабы – народ, не поддающийся никакому управлению и годный лишь на то, чтобы его истреблять или изгонять в пустыню.

Из арабов они, впрочем, видели только оборванцев с юга, которыми кишат улицы Алжира. В кафе говорят о Лагуате, о Бу-Сааде, о Сайде как о местностях, находящихся на краю света. Редко встретишь даже офицера, который знал бы эти три провинции. Он ведь обычно не выезжает из своего округа до самого возвращения во Францию.

Следует, впрочем, прибавить, что если вы отклоняетесь от крупных проезжих дорог, путешествовать на юге становится очень опасно. Такое путешествие возможно только с помощью и при содействии военных властей. Начальники пограничных округов считают себя прямо-таки самодержавными монархами, и всякое новое лицо, отважившееся проникнуть на их землю, рискует сильно потерпеть... от арабов. Всякий одинокий путешественник будет немедленно задержан каидами, отправлен под конвоем к ближайшему офицеру и отведен в сопровождении двух спаги на гражданскую территорию.

Но если представить хоть какую-нибудь рекомендацию, вы встретите со стороны офицеров из бюро по арабским делам самый любезный прием, какой только можно себе представить. Офицеры живут уединенно, далеко от европейцев и принимают путешественника радушнейшим образом; живя уединенно, они много читали, они образованны, интеллигентны, и побеседовать для них – наслаждение; живя уединенно в этой обширной безотрадной стране с ее безграничными просторами, они привыкли мыслить, как мыслят одинокие труженики. Я уехал из Франции предубежденным, как и все французы, против этих бюро, а вернулся, совершенно переменив мнение.

Именно благодаря содействию некоторых из этих офицеров я и мог совершить большую экскурсию вне проторенных путей, переходя от одного племени к другому.

Рамадан только что начался. В колонии настроение было беспокойное, так как боялись общего восстания по окончании этого магометанского поста.

Рамадан длится тридцать дней. В течение этого времени ни один слуга Магомета не должен ни пить, ни есть, ни курить с того утреннего часа, когда солнце восходит, до того часа, когда глаз уже не отличит *белой нитки от красной*. Это суровое предписание не всегда выполняется буквально: вспыхивает не одна сигарета, едва лишь огненное светило скроется за горизонтом и прежде чем глаз перестанет различать красный или белый цвет нитки.

За исключением этой поспешности ни один араб не преступает строгого закона поста, закона полного воздержания. Мужчины, женщины, мальчики с пятнадцати лет, девочки, достигшие брачного возраста, то есть между одиннадцатью и тринадцатью годами, круглый день остаются без пищи и питья. Голодать еще не так трудно, но воздерживаться от питья в такую мучительную жару ужасно. Никаких поблажек во время поста не полагается. Никто, впрочем, не посмеет и просить об этом; даже публичные женщины, улад-найль, которыми кишат арабские центры и большие оазисы, постятся, как марабуты, может быть, даже строже, чем они. А те арабы, которые считаются цивилизованными и в обычное время готовы, казалось бы, следовать нашим обычаям, разделять наши взгляды, помогать нашему делу, с наступлением Рамадана опять становятся дико фанатичными и набожными до одури.

Легко себе представить, до какой степени доходит экзальтация этих ограниченных и упрямых людей при соблюдении такого сурового религиозного обряда. Весь день эти несчастные, у которых от голода подводит живот, предаются размышлениям, глядя, как победители румы у них на глазах едят, пьют и курят. И арабы твердят про себя, что если убить одного из этих румы во время Рамадана, то попадешь прямо на небо, и что срок нашего владычества приходит к концу: ведь марабуты непрестанно им обещают, что мы все будем сброшены в море ударами их дубин.

Именно во время Рамадана развивают свою деятельность айсау – глотатели скорпионов, пожиратели змей и религиозные фокусники; они одни, да еще, быть может, некоторые иноверцы и кое-кто из представителей благородных семейств не проявляют религиозного фанатизма.

Эти исключения необыкновенно редки, я мог бы привести только одно.

Некий офицер из округа Богар, отправляясь в двадцатидневный поход на юг, просил трех сопровождавших его спаги не соблюдать Рамадана, так как он понимал, что ничего нельзя требовать от людей, измученных постом. Два солдата отказались, третий ответил:

– Господин лейтенант, я не соблюдаю Рамадана; я ведь не марабут, я благородного происхождения.

Он действительно происходил из *большого шатра*, был потомком одного из самых древних и самых знатных родов в пустыне.

До сего времени существует странный обычай, который возник со времени оккупации и представляется совершенно нелепым, если подумать о чудовищных последствиях, какие может иметь для нас Рамадан. Так как вначале надо было расположить к себе побежденных, а уважение к мусульманской религии – лучший способ их задобрить, было решено, что во время священных дней поста французская пушка будет ежедневно оповещать о начале и о конце воздержания. Итак, по утрам, при первом румянце зари, пушечный выстрел возвещает о начале поста, и каждый вечер, минут через двадцать после заката солнца, во всех городах, во всех фортах и во всех военных селениях раздается другой пушечный выстрел, по сигналу которого зажигаются тысячи сигарет, осушаются тысячи глиняных кувшинов и по всему Алжиру готовится неисчислимое количество блюд кус-куса.

Мне привелось присутствовать в большой мечети столицы Алжира на религиозной церемонии, которой начинается Рамадан.

Здание это совсем простое, с выбеленными известью стенами, с толстым ковром на полу. Арабы входят поспешно, босиком, держа в руках обувь. Они становятся длинными правильными рядами, ровными, как ряды солдат на учении, и разделенными большими промежутками, кладут на пол башмаки и все взятые с собой мелкие вещи, а затем замирают неподвижно, как статуи, обратясь лицом к маленькой часовне, указывающей направление в сторону Мекки.

В этой часовне богослужение совершается муфтием. Голос его, старческий, слабый, блеющий и очень монотонный, тянет нечто вроде печальной песни, которую, раз услышав, никогда уже не забудешь. Интонация часто меняется, и тогда все присутствующие одним ритмическим движением безмолвно и поспешно падают ниц, касаясь лбом земли, несколько секунд лежат распростертыми, а затем поднимаются без всякого шума, ни на секунду не заглушая дрожащего, тихого напева муфтия. И таким образом все присутствующие беспрестанно склоняются и выпрямляются фантастически быстро, бесшумно и равномерно. Здесь вы не услышите ни стука отодвигаемых стульев, ни кашля, ни перешептывания, как в католической церкви. Чувствуется, что первобытная вера витает вокруг, преисполняя этих людей, сгибая их и выпрямляя, как картонных плясунов, та молчаливая и властная вера, которая поработывает тело, заставляет каменеть лица и сжиматься сердца. Невыразимое чувство уважения, смешанное с жалостью, охватывает вас при виде этих исхудалых фанатиков: живот уж никак не поме-

шает им класть земной поклон, и они исполняют религиозные обряды с механичной отчетливостью прусских солдат на маневрах.

Стены белые, ковры на полу красные; человеческие фигуры белые, синие или красные, а иногда и других цветов, в зависимости от причудливого праздничного одеяния, но все люди закутаны в широкие плащи и сохраняют гордую осанку; на их голову и плечи льется мягкое сияние светильников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.